

(1) Кружила январская метелица, скрипели мёрзлые тополя в переулке, верховой ветер гремел железом, то и дело срывал снежную пыль с карнизов, нёс её вдоль побелённых заборов, над свежими сугробами, а оно, это единственное в ночи окно, светилось зелёным уютным пятном и, всегда одинаково яркое, тёплое, занавешенное, притягивало к себе, вызывало приятное ощущение неразгаданной тайны.

(2) Неизменно каждый вечер меня встречал в переулке этот домашний маячок в деревянном домике, загороженный занавеской огонёк настольной лампы, — и я представлял натопленную комнату, стеллажи, заставленные книгами по всем стенам, потёртый коврик на полу перед диваном, письменный стол, стеклянный абажур лампы, распространяющий оранжевый круг в полумраке, и кого-то, мило сутуловатого, в старческих добрых морщинах, кто одиноко жил там, окружённый благословенным раем книг, листал их ласкающими пальцами, ходил по комнате шаркающей походкой, думал, работал до глубокой ночи за письменным столом, ничего не требуя от мира, от суетных его удовольствий. (3) Но кто же он был — учёный, писатель? (4) Кто?

(5) Раз прошлой весной (в набухшей сыростью мартовской ночи всюду капало, тоненько звенели расколотые сосульки, фиолетовыми стёклышками отливали под месяцем незамёрзшие лужицы на мостовой) я глядел на знакомое окно, на ту же зеленовато-тёплую, освещённую изнутри занавеску, испытывая необоримое чувство. (6) Мне хотелось подойти, постучать в стекло, увидеть колыхание отодвинутой занавески и его знакомое в моём воображении лицо, иссечённое сеточкой морщин вокруг прищуренных глаз, увидеть стол, заваленный листами бумаги, внутренность комнатки, заполненной книгами, коврик на полу... (7) Мне хотелось сказать, что я, наверное, ошибся номером дома, никак не найду нужную мне квартиру — примитивно солгать, чтобы хоть мельком заглянуть в пленительный этот воздух чистоплотного его жилья и работы в окружении книг — казалось, единственных его друзей.

(8) Но я не решился, не постучал. (9) И позднее не мог простить себе этого.

(10) Нет, спустя два месяца ничего не изменилось, всё было по-прежнему, а в тихоньком переулке была весна, майский вечер медленно темнел в глубине замоскворецких двориков; среди свежей молодой зелени зажигались фонари над заборами, майский жук с гудением потянул из дворика, ударился о стекло фонарного колпака, упал на тротуар, замер, потом задвигал ошеломлённо лапками, пытаясь перевернуться. (11) Тогда я помог ему, сказав зачем-то: «Что ж ты?..» (12) Он пополз по тротуару к стене дома, к водосточной трубе (она была в трёх шагах от окна), а я почувствовал какое-то внезапное неудобство, глянувшее на меня из майских сумерек.

(13) Окно в домике не горело. (14) Оно было как провал...

(15) Что случилось?

(16) Я дошёл до конца переулка, постоял на углу, вернулся, надеясь увидеть знакомый свет в окне.

(17) Но окно сумрачно отблёскивало стёклами, занавеска висела неподвижно, не теплилось на ней преоранжевое зарево, как бывало по вечерам, и в один миг всё стало неприятным, и показалось, что там, в невидимой этой комнатке, произошло несчастье.

(18) С беспокойством я опять дошёл до угла и, уже подсознательно торопясь, вернулся в переулок. (19) Я внушал себе, что сейчас вспыхнет зелёный свет на занавеске и всё в переулке станет обыденным, умиротворённым...

(20) Свет в окне не зажётся.

(21) А на следующий день я почти бегом завернул по дороге домой в соседний переулок, и здесь неожиданное открытие поразило меня. (22) Окно было распахнуто, занавеска отдёрнута, выказывая нутро комнаты, книжные полки, какую-то карту на стене, — всё это впервые увидел я, не раз представляя моего неизвестного друга за вечерней работой.

(23) Пожилая женщина с мужским лицом и мужской причёской стояла у письменного стола и смотрела в пространство отсутствующими глазами.

(24) Тотчас она заметила меня, рывком задёрнула занавеску — и шершавый холодок вполз в мою душу.

(25) И дом, и переулок, и окно представились мне ложными, незнакомыми.

(26) И я понял, что случилось несчастье, что мой воображаемый друг, тот седенький старичок с шаркающей походкой, к которому так тянуло меня душевно, был нужен мне как близкий друг.

(По Ю. В. Бондареву)